

В тот день, едва закончился очередной курс химиотерапии, на Си Юэ обрушился самый тяжелый шквал побочных эффектов. С каждым новым введением препаратов сценарий повторялся: сначала накатывал жестокий кризис, затем симптомы постепенно угасали, организм приспособлялся, и показатели шли вверх. Но едва тело привыкало к лекарству и начинало восстанавливаться, следовала следующая инъекция — и изнурительный круг замыкался вновь.

За весь день он не смог проглотить ни крошки. Свесившись с края постели, Си Юэ тщетно пытался облегчить желудок — из него выходила лишь едкая желчь. Мучительные судороги раздирали пищевод; свернувшись калачиком, он продолжал изнурительно заходиться сухим кашлем и спазмами, содрогаясь всем телом, словно его выворачивало наизнанку. От молодого человека остались лишь обтянутые кожей кости. Он казался таким крошечным и хрупким, что едва занимал угол огромной больничной койки.

Именно эту картину застал Сян Чжуншань, переступив порог палаты. В его памяти Си Юэ всё ещё оставался тем безмятежным юношей со съёмочной площадки: вечно задумчивым, слегка рассеянным, но с живым, лучистым блеском в глазах. Сян помнил, с какой самоотдачей тот погружался в работу и как мягко, всепрощающе улыбался окружающим.

Неужели это измождённое существо, едва удерживающееся на грани между жизнью и смертью, и есть тот, о ком он в последнее время так отчаянно думал? Нет. Быть не может. Слишком жестокая, невыносимая шутка. Мужчина застыл в дверях, не в силах пошевелиться. Казалось, задержи он дыхание — и этот кошмар рассеется, а перед ним снова окажется Си Юэ: живой, весёлый, с мягким румянцем на здоровом лице.

Справившись со спазмом, Си Юэ приподнял голову и удивлённо замер. На пороге стоял Сян Чжуншань. Его покрасневшие глаза лихорадочно блестели, а во взгляде сквозило такое запредельное отчаяние, словно Сян балансировал на краю пропасти и малейшее дуновение ветра могло сбросить его вниз.

Встретившись с ним глазами, Сян вздрогнул, словно очнувшись от гипноза, и поспешно отвернулся.

Но Си Юэ успел заметить, как на его щеке блеснула влажная дорожка. Он плакал.

Плечи Сяна едва заметно вздрагивали от беззвучных рыданий. Он не смел обернуться и вновь взглянуть на кровать — этот вид причинял ему невыносимую, почти физическую боль.

Сян Чжуншань сжал кулаки до хруста, отчаянно пытаясь обуздать рвущиеся наружу эмоции. Годы руководства крупной корпорацией и привычка всегда держать лицо помогли ему вернуть внешнее хладнокровие, но внутри всё по-прежнему кричало от боли.

Си Юэ на мгновение показалось, что он бредит.

"Сань-эр, тебе тоже видится Сян Чжуншань?" — мысленно позвал он систему.

"Позвольте уточнить: какого именно господина Сяна вы изволили обронить? Золотого, серебряного или этого... железного?"

"Да нет же... Похоже, он ревёт? Неужели я уже на пороге смерти и меня накрыли галлюцинации?"

Сань-Сань ненадолго умолк, а затем удивлённо отозвался: "Ого, и правда плачет! Надо же, у этого сухаря всё-таки нашлась совесть!"

Си Юэ лишь мысленно вздохнул. Интересно, у кого система успела нахвататься таких словечек?

Из-за спины Сяна показался Тань Нунъин, и Си Юэ сразу всё понял. Один лишь этот взгляд отнял у него последние силы. Он вымученно улыбнулся другу, а затем слабым, прерывистым шёпотом обратился к неожиданному гостю:

— Ты... пришёл.

С трудом выговорив эти слова, Си Юэ прикрыл глаза и бессильно откинулся на подушки, ловя ртом воздух.

Сян Чжуншань зажмурился, справляясь с подступившим к горлу комком, и наконец заставил себя повернуться к больному. При виде истощённого юноши его сердце вновь пронзила режущая боль.

Разве можно так исхудать?.. Сян больше не мог прятаться за спасительным отрицанием. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, через какой ад сейчас проходит этот человек.

Преодолевав оцепенение, Сян шаг за шагом подошёл к постели. Он смотрел на Си Юэ, шевеля губами, но из горла не доносилось ни звука.

Тань Нунъин уверенно подошёл с другой стороны, привычным жестом помог больному устроиться поудобнее и слегка приподнял изголовье кровати, чтобы тому не приходилось тратить силы во время разговора.

Закончив, Нунъин бросил на гостя ледяной взгляд и ядовито процедил:

— Что, доволен? Не это ли ты мечтал увидеть? Прекрати строить из себя скорбящую невинность, наверняка в душе празднуешь победу.

Сян попытался возразить, но связки словно сковал лед. Оцепенение охватило всё его существо, будто его внезапно швырнули в ледяную бездну. Всё тело пробивал жестокий озноб; он не мог сделать ни единого движения.

Внешне он всё ещё казался непоколебимым главой корпорации, но внутри его мир рушился, разбиваясь вдребезги при виде угасающего Си Юэ.

За последние двадцать лет он ни разу не оказывался в таком беспомощном положении. Даже в периоды жесточайшего кризиса, когда его детище подвергалось нападкам, он спокойно стоял перед десятками направленных на него телекамер и уверенно парировал самые коварные вопросы журналистов.

Но сейчас, сколько бы сил он ни прилагал, с его губ не слетело ни звука.

В этот момент Си Юэ накрыл очередной приступ тошноты. Он не успел отвернуться, и его тело вновь содрогнулось в конвульсивном спазме. Молодой человек свесился с кровати, заходясь сухим надрывным кашлем, и внезапно на белые простыни брызнула алая кровь.

Оба мужчины оцепенели. Первым опомнился Тань Нунъин: дрожащими пальцами он вдавил кнопку вызова врача, и в палату тут же ворвался медицинский персонал.

В начавшейся суматохе Сяна грубо выставили в коридор. Уже у самых дверей, сквозь плотную стену суесящихся врачей, он успел заметить устремлённый на него взгляд Си Юэ — растерянный. А когда Сян обернулся, юноша слабо, ободряюще ему улыбнулся.

Эта улыбка ранила Сяна глубже любого кинжала. Она выжгла в его душе пустоту, и Сяну показалось, будто раскалённая лава хлынула по венам, окончательно уничтожая в нём то, что когда-то делало его человеком.

Тань Нунъин вошёл в приёмный покой и застал Сяна в горьком безмолвии: тот сидел, низко опустив голову и зажав пальцами переносицу, словно от невыносимой головной боли.

Нунъин презрительно фыркнул:

— И для кого этот спектакль? Раньше надо было думать. Когда ты отказывал Си Юэ в помощи, что-то не колебался.

Тань Нунъин никогда не скрывал своего презрения к этому человеку — казалось, он ненавидел его каждой клеточкой своего существа.

Сян медленно поднял голову, непонимающе нахмурившись:

— О чём ты?

— Хватит притворяться! — Нунъин зло прищурился. — Последней надеждой Си Юэ была ваша новая генетическая экспертиза. Тебе стоило лишь подписать одну бумажку. Но ты отказал. К чему теперь этот цирк?

Сян оцепенел. В глубинах его памяти, сквозь пелену тумана, начал проступать смутный силуэт прошлого.

Кабинет генерального директора. Он сам — в состоянии неконтролируемого бешенства. Перепуганный личный помощник, дрожащим голосом лепечущий: «Господин Сян, Си Юэ смертельно болен... ему необходимо участие в тестировании нашего нового метода...»

И он сам — крушащий всё вокруг, швыряющий вещи в стену и истошно орущий в ответ: «Вон отсюда!»

Боже, что же он наделал?..

Сян Чжуншань резко вскочил на ноги и, спотыкаясь, бросился к выходу. Окрики Тань Нунъина остались без ответа — Сяну было не до них.

Генетический тест. Да, этот проклятый тест! Шанс ещё есть, всё можно исправить! Он костыми ляжет, но вырвет Си Юэ из лап смерти!

[Уровень симпатии цели Сян Чжуншаня повысился на 5 пунктов. Текущий уровень симпатии: 95%. Получена награда: 5 системных монет]

Си Юэ, лениво почёсывавший за ушком короткошёрстного британца Сань-Саня в его системном домике, отвлёкся от экрана. Перед ними светился огромный голографический дисплей, на котором крутился японский художественный фильм «Маленький лес» — неспешная, умиротворяющая картина о кулинарии и единении с природой.

Очаровательная главная героиня с притягательной аурой сосредоточенно вымешивала тесто, а затем аккуратными движениями маленького серебряного ножа делала надрезы на будущих булочках.

"Слюни мне на шёрстку не накапай", — недовольно буркнул Сань-Сань, приподняв мордочку.

"Какая же ты всё-таки чёрствая, бесчувственная скотина", — вяло огрызнулся Си Юэ, не прекращая наглаживать кота.

Хотя бафф «Блокировка боли» исправно работал, физиологические муки тяжелобольного тела никуда не делись: постоянная слабость, удушающая тошнота и спазмы изнуляли его в реальном мире. Но здесь, в системном пространстве, Си Юэ мог временно абстрагироваться от плотской оболочки. Хотя отголоски недомогания всё ещё просачивались в его сознание, здесь дышалось и жилось несравнимо легче.

Именно поэтому, едва узнав, что всего за пять монет можно открыть безлимитный доступ к межгалактической фильмотеке, Си Юэ без колебаний расстался со сбережениями. Шутка ли — никакие земные онлайн-кинотеатры и подписки не могли сравниться с архивами Системы, где хранились шедевры всех времён и народов!

Более того, проявив невиданную расточительность, он спустил ещё пять монет на ультравысокое разрешение с функцией автоматической реставрации старых лент до качества 1080p+. Огромный виртуальный экран создавал полное ощущение присутствия в лучшем кинотеатре мира.

Так что стоило палате опустеть, как Си Юэ тут же сбегал в системный приют: устраивался поудобнее, тискал пушистого кота и наслаждался классикой кинематографа. Жизнь, вопреки обстоятельствам, казалась чертовски приятной штукой.

Оставленная в палате физическая оболочка в это время функционировала на автопилоте — умные алгоритмы Системы генерировали естественную мимику, жесты и несложные фразы. Распознать подмену мог разве что самый проницательный и близкий человек, знающий Си Юэ как облупленного.

Пока Си Юэ предавался безделью, Корпорацию Сян лихорадило.

Их флагманский и самый перспективный проект — передовое исследование в области таргетной терапии рака и та самая точечная генетическая экспертиза — уже долгое время буксовал на стадии клинических испытаний. Запуск тестирования требовал вороха согласований, строгих проверок и занимал долгие месяцы бюрократической волокиты.

Однако господин Сян, словно одержимый, внезапно отдал приказ: запустить клиническую фазу немедленно, невзирая на любые затраты. Какими путями ему удалось сократить сроки согласования до исторического минимума, оставалось загадкой, но бумажная стена рухнула за считанные дни. Более того, ключевые разработчики проекта получили от босса однозначное указание: если официальное оформление затянется, проводить тесты неофициально. Подопытного он предоставит лично.

Всю полноту ответственности Сян Чжуншань взял на себя. В случае провала или утечки информации его карьере и репутации пришёл бы неминуемый конец, но главу корпорации это не заботило. Подчинённые недоумевали: проект пылился на полках месяцами, и вдруг такая спешка. Ради чего босс готов поставить на карту абсолютно всё?

Сян действовал точно робот, подгоняемый неодолимой силой. Со стороны он казался прежним — собранным, жёстким и эффективным лидером. Но за этой маской скрывалось механическое исполнение заученных функций. Едва закончив с делами, он бессильно опустился в глубокое кожаное кресло и уставился в пространство остекленевшим взглядом.

Никто из близких так и не решился рассказать ему о провалах в памяти и странных приступах помрачения сознания, которые он переживал в последнее время. Психиатр настоял на строжайшей тайне, опасаясь, что правда окончательно разрушит и без того расшатанную психику пациента.

Воспоминания о том роковом отказе всплывали в его голове обрывочными, смазанными кадрами, но суть была ясна: это решение принял он сам.

"Почему я так поступил? Неужели я чудовище, лишённое сердца?"

Перед глазами неотвязно стоял измождённый лик Си Юэ. Каким подлецом Сян выглядел в его глазах! Человек спас ему жизнь, рискуя собой, а он отплатил чёрной неблагодарностью — затаил детскую обиду и хладнокровно лишил единственного шанса на спасение.

И всё же Си Юэ не упрекнул его ни словом. Он просто... улыбнулся ему на прощание.

События последних суток казались бредом сумасшедшего. Стоило Сяну осознать, что он безумно любит этого человека, как судьба нанесла сокрушительный удар — Си Юэ обречён. За что небеса так жестоко издеваются над ним?

Из глубин памяти лавиной хлынули картины прошлого. Вот Си Юэ — растерянный, когда Сян впервые цинично предложил ему стать его содержанцем. Вот его взгляд, теплеющий с каждым днём. То, как неумело, но искренне он пытался заботиться о Сяне, как робко протягивал ему своё любящее сердце и как лучилось счастьем его лицо при каждой их встрече.

А в день расставания Си Юэ приготовил праздничный ужин и своими руками испёк неказистый, смешной торт, украсив его двумя кривыми сахарными фигурками. В тёплом полумраке мерцали свечи, когда Сян Чжуншань, борясь с раздражением, сухо бросил:

— Мы расстаёмся.

Даже сейчас Сяна пробирала дрожь при воспоминании об угасающем взгляде Си Юэ в ту минуту. Лишь много позже он случайно узнал, что в тот день у Си Юэ был день рождения. О чём думал юноша, расставляя приборы? Что чувствовал, оставшись один перед остывающим ужином и нелепыми фигурками, ставшими памятником его растоптанной любви?

Сян судорожно сжал ткань рубашки на груди. Сердце сжалось в тисках удушающей боли.

С трудом выровняв дыхание, он заставил себя успокоиться. Паника не поможет. Нужно действовать. Он должен найти лучшие клиники, лучших врачей мира — всё, что поможет вырвать его Си Юэ из лап смерти.

<http://bllate.org/book/20101/2038822>